

В ближайшее время реконструированное здание Крюковых казарм займет Центральный военно-морской музей.

Спонсор рубрики

Общество с ограниченной ответственностью

«ОПТТОРГ»

РЕКЛАМА

В КОНЦЕ XIX ВЕКА
ЕЕ УКРАШАЛИ
ПРЕКРАСНЫМИ
СТРОЕНИЯМИ,
А ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ
НАЧАЛИ РАЗРУШАТЬ

Площадь каторжного труда

Когда-то площадь Труда украшала церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Церковь стояла рядом с современным домом № 6, имеющим такой же номер и по Конногвардейскому бульвару, в створе улицы Труда. Ее снесли в начале 1930-х как не имеющую архитектурной ценности. Свои действия в данном случае атеисты могли оправдывать, кивая на мнение несколькими годами ранее умершего архитектора Леонтия Бенуа. Он принял советскую власть, и сам был принят властью, получив в 1927 году высокое звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Бенуа считал Благовещенскую церковь «неудачной претензией на древнерусское зодчество».

ЦЕРКОВЬ для личного состава Конногвардейского полка, полковником которого числился сам император Николай I, создавалась в 1840-е по проекту любимого архитектора этого властителя Константина Тона и в любимом Николаем русско-византийском стиле. Она была освящена 20 марта 1849 года и была архитектурной доминантой площади.

Тем не менее сорок два года площадь не имела названия. Оно появилось на карте только в 1891 году и существовало до октября 1918-го.

Нынешнее же название возникло по Дворцу труда, в котором расположились руководящие профсоюзные органы. В 1894 году Николаевский дворец, построенный по проекту Андрея Штакеншнейдера для сына Николая Павловича и отошедший в казну после смерти великого князя Николая Николаевича, был отдан под Ксенинский институт благородных девиц. Это было сделано в честь бракосочетания дочери Александра III Ксении. По положению, утвержденному царем, в Ксенинский институт принимались «исключительно полусироты». При этом подчеркивалось, что «не всякой девушке выпадет счастье обрести свою собственную семью и быть вполне обеспеченной» и что «плохо приходится девушке, которая, не имея должной подготовки к самостоятельному труду, принуждена искать заработок интеллигентного характера».

В Ксенинском институте были предусмотрены семь классов общего курса и три класса специально профессиональных. Иными словами, устройство именно в этом институте Дворца профессиональных союзов выглядит вполне логичным.

Дворец был передан профсоюзам по декрету, подписанному председателем Совнаркома Ульяновым-Лениным 11 декабря 1917 года. Декрет гласил: «Совет народных комиссаров, утверждая постановление Народного Комиссара по Министерству Признания от 26 ноября 1917 года, постановил: передать здание Ксенинского института в ведение Петроградского Совета Професси-

ональных Союзов для нужд профессиональных организаций».

На открытии Дворца труда нарком просвещения Анатолий Луначарский, в частности, сказал, что он, то есть дворец, — «шаг к сияющему будущему, где не будет классов, не будет насилия, где труд делается вольным и прекрасным, как песня».

Здесь интересно отметить весьма примечательный факт. Дворец труда распола-

Часть строений Новой Голландии безвозвратно утеряны. Остальные находятся в удручающем состоянии.

гается примерно на том месте, где при рождении Петербурга находился каторжный двор. К месту вспомнить, что Петр Алексеевич стал первым в русской истории правителем страны, который начал использовать на строительстве в невиданных масштабах труд заключенных и неприятелей, попавших в плен в ходе военных действий.

Исходя из сказанного, нынешнее название площади весьма точно отражает ее историю и современное состояние.

Николаевский дворец — Дворец труда и сегодня остается безусловным украшением площади. В прежнем виде дошли до нашего времени полковые казармы, построенные талантливым архитектором Иваном Черником. В ближайшее время это здание займет Центральный военно-морской музей.

Николаевский дворец, стоящий на месте бывшего каторжного двора, — украшение площади.

А вот о судьбе Новой Голландии, за которую взялся было всемирно известный архитектор Норманн Фостер, остается только гадать. Вспомним, что для удобства возведения Дворца фестивалей мэтр собирался полностью очистить остров от построек, чтобы осуществить свой проект и вновь возвести не прежнем месте то, что создали Жан Батист Валлен-Деламот и

Савва Чевакинский и что находится под государственной охраной. К счастью, последнее обстоятельство не позволило это сделать. Между тем ряд построек, которые КГИОП считал возможным снести, снесли. Теперь можно лишь со вздохом вспомнить об ушедшем в небытие небольшом корпусе, в котором располагалась радиотелеграфная станция. С нее в октябре 1917 года о своей победе заявили большевики. Не важно, кто как относится к Октябрьской революции и к советской власти, но сей факт делал этот объект исторически очень ценным.

Бывший заместитель председателя КГИОП Борис Кириков говорит сегодня как о непоправимой ошибке о сносе этой радиостанции и Опытного бассейна.

Но все-таки с облегчением можно говорить

о сохранении исторических корпусов Новой Голландии, ибо случись так, что Фостеру разрешили бы вершить задуманное, сегодня остров представлял бы собой пустынную стройплощадку. Гигантский инвестиционный проект лопнул как мыльный пузырь, оставив массу вопросов, главный из которых заключается в том, почему в охранной зоне Петербурга происходят подобные вещи? И кто должен за все это безобразия отвечать?

Правда, недавно председатель КГИОП Вера Деметрива сообщила о том, что город получил гарантии частных инвестиций для того, чтобы реконструкция Новой Голландии все-таки осуществилась. Однако произошли некоторые законодательные подвижки. Теперь по закону «О границах зон охраны» на острове Новая Голландия новое строительство не допускается.

То есть на Дворце фестивалей можно поставить крест. И это единственное, о чем можно сказать: «хорошо», поскольку стеклянный купол на высоте тридцати семи метров, будь построен этот дворец, был бы виден со стороны Академии художеств, а главное, подавил бы собой украшение острова — Арку Новой Голландии, гениальное творение Валлен-Деламота.

Кто и как разрулит ситуацию с Новой Голландией и сохранит ли памятник эпохи раннего классицизма патины старины, покажет время.

Алексей ЕРОФЕЕВ, фото Натальи ЧАЙКИ